

Аделия
Амраева

Футбольное поле

Аделия А. Амраева

Футбольное поле

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11635115

Футбольное поле: Повесть / Амраева А.А., Художник Н.Сапунова.:

Аквилегия-М; Москва; 2014

ISBN 978-5-905730-58-0

Аннотация

«Жизнь – это футбольное поле», – считает десятилетний Димка, для которого нет ничего важнее футбола. Он мечтает стать профессиональным футболистом и вывести сборную страны в финал чемпионата мира. Ему очень хочется, чтобы мама увидела этот решающий матч. Но, увы, мама против того, чтобы сын играл в футбол. А всё потому, что его отец, который не живёт с ними, футболист. И Димке остаётся одно из двух: идти к мечте наперекор всему или утонуть в запретах и сомнениях.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Фол[1]	7
Дриблинг	18
Misses Next Match	27
Зидан и Матерацци[2]	34
Автогол	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Аделия Амраева

Футбольное поле

Моему папе, который научил меня любить и понимать футбол, хотя сам равнодушен к нему.

Моей маме, которая купила мне первый в моей жизни журнал про футбол и терпит, когда я кричу на весь дом: «Го-о-ол!»

Всем, кто хоть раз пинал мяч.

Знайте – футбол начинается с вас!

To win again
To never stop finding
Moving as one
Is the word for home
Begin to place
Yourself in the big frame
When you dream
Away, away...

Побеждать снова,
Никогда не переставать искать,
Быть единым целым —
Вот что такое дом.
Научиться находить

Себя на огромном поле,
Когда ты мечтаешь
Всё дальше и дальше...

*Herbert Gronemeyer «Celebrate the Day» неофициальный гимн
ЧМ-2006*

Фол¹

– Дима, спать ложись.

Завтра у тебя тяжёлый день.

К вечеру мамин голос едва слышен. Она всё время устаёт на работе. Раньше я думал: как здорово, что теперь я вырос. Как-никак в пятый класс перешёл! Вы даже представить себе не можете, что это такое – продлёнка... Ещё несколько часов мучения для мозга! Мозгопарение! А о тёте Оле с её бесконечными сериалами я уж вообще не говорю.

¹ Словарь футбольных терминов см. в конце книги

Не-е-е... Чем такая няня, лучше продлёнка!

Так вот, раньше мне казалось, что приходить в пустую квартиру, самому решать, чем пообедать, а иной раз и поужинать, – это круто. Но как только мама решила, что мне пора учиться самостоятельности, она записала меня в студию балльных танцев. Теперь, вместо того чтобы бежать на

стадион и играть с ребятами в футбол, я прусь через квартал... на танцы... И домой прихожу всего-то за час до мамы. Хорошо, сейчас каникулы, на игру остаётся больше времени. Но стадион занят почти всегда, вечно там физрук старшаков гоняет, готовит к межшкольным соревнованиям.

И «тяжёлый день» – это когда дополнительные занятия по математике в один день с теми, самыми ужасными занятиями в мире. Танцевать с девчонкой, которая вечно вертит то носом, то меня из стороны в сторону, – это выше моих сил! Но маме, похоже, на это наплевать...

Колька всё посмеивается надо мной, а что мне делать? Училка по танцам, чуть что, даже если опоздаю, докладывает маме. Уже пару раз меня лишали телевизора и компьютера. Это и так-то сродни расстрелу, а во время чемпионата мира – прямо-таки сожжение заживо! Хотя мама и не знает, что я смотрю футбол. И что играю – тоже не знает. Она вообще мало что знает...

Из-за того, что она такая Незнайка, я стал терять форму. Скоро буду, как Робокрауч, бегать по полю без толку. Немудрено: три раза в неделю дурацкие танцульки, два дня дополнительные занятия, которых никак не пропустишь, а в выходные поле занимают старшаки. Выходные только их, будто им времени с утра до обеда мало! Итог: один день футбола... Зато самый счастливый, ради него, считай, и живу!

Вот будь у меня папа, как у всех, он обязательно объяснил бы маме, что танцы для мальчика – это убийственно. Вон у

Кольки всё как у людей: сидит все матчи с отцом смотрит, даже пиво в футбольных кафе спокойно пьёт, и форму ему как у аргентинцев купили, и бутсы... А я в кроссовках, как обормот.

Папы у меня нет... Не потому, что он на войне погиб или ещё где, это бы куда ни шло. Не обидно, во всяком случае. Наверное, даже погордиться можно. А у меня просто папы нет... И не было... Никогда. Мама всегда начинает играть в молчанку, стоит её спросить, каким же это образом я уродился на свет с прочерком в свидетельстве. Иногда я даже всерьёз начинаю подумывать о капусте или аисте. А что? Всё возможно. Наверное, к моему совершеннолетию мама всё-таки рискнёт рассказать мне какую-нибудь такую утку, не удивлюсь...

Вот уже час ворочаюсь, не могу заснуть. В голове футбол. Сегодня играет Португалия с Северной Кореей. Понятное дело, что выиграют португальцы, но корейцы всё равно молодцы! В отличие от нашей сборной они хотя бы в финальные игры прошли...

Вот незадача! Ну почему эта тётя Оля всегда приходит не вовремя? Ну пришла бы на выходных, так нет же! Решила вечером посеCRETничать. Мама теперь долго спать не ляжет. Комп, пусть и стоит в моей комнате, так же недоступен, как и телик в маминой: ведь даже в приоткрытую дверь можно из кухни увидеть свет от монитора... Так что счёт я узнаю только завтра. В бурном и подробном пересказе Коль-

ки. Хорошо, хоть какая-то от него польза. В футбол он играет неважнецки, даже хуже – просто отвратительно. Зато четыре раза в неделю!

– Оленька, я так тебя ждала! Ну наконец-то! – доносится из коридора. Свет не включают. Неужто мама и вправду верит, что я сплю?

– Тань, что стряслось?

– Пойдём. Хочешь чаю? Только в мою комнату пойдём. У меня просто трагедия!

Мама плачет... Интересно, что бы это значило? Любопытство пусть и свинство, но если не подслушать, то на завтрашнюю математику можно забить: все занятия буду думать о «трагедии».

– Да не плачь ты, Танюш! Расскажи толком... – обеспокоенно шепчет тётя Оля. Она всегда чем-то обеспокоена. То каким-нибудь Хуаном, то Антонио, то Росаурой, то Изаурой. Сейчас, правда, на турецкие сериалы перешла.

– Знаешь, что мой гадёныш делает каждый вторник? – тихо стонет мама.

Гадёныш, получается, я...

А что я делаю? Вторник – это день счастья, день футбола.

Мама же мне не запрещала с друзьями общаться? Ну, если только без обеда остаюсь и домой позже прихожу... Но ведь на это запрета не было?

– Он в футбол играет, представляешь? В футбол!

Стенания мамы становятся громче.

– Что? В футбол?

Ну вот, тётя Оля, и вы туда же! А что так сокрушаться-то? Да, в футбол. Не пью, не курю – в футбол играю. Или я вальс, по-вашему, двадцать четыре часа в сутки должен танцевать?

Осторожно заглядываю в комнату. Тётя Оля, подсев к маме поближе, начинает гладить её по голове и спрашивает:

– Он знает?

Мама отрицательно мотает головой... Так, становится более чем интересно!

– Вообще ничего не знает? – снова спрашивает тётя Оля.

– Нет.

– Ты ему про отца что говорила?

– Ничего, – мама опять начинает всхлипывать.

– Так нельзя. Он хоть спрашивал?

– Да, спрашивал как-то... Оль, может, ему кто-то рассказывал? – мама хватается тетю Олю за руку, смотрит молящим взглядом.

– Да кто мог ему рассказать? Никто ведь не знает, – тётя Оля вдруг вырывает руку и встаёт. – Или ты думаешь, что я...

– Нет, нет, Оленька, что ты... – перебивает её мама, – Я

просто в шоке... Два дня назад шла к Таисии Петровне, чтобы об его поведении и успеваемости спросить, он же у меня чуть было на второй год не остался!

Смотрю – он на стадионе бегают. Ещё кричит кому-то что-то про мяч.

Таисия Петровна – это классная... Не в том смысле, что крутая. Классный руководитель она. А кричал я: «Пасуй мне!» – и кричал это тупому Кольке, когда он подошёл к воротам и не знал, что с мячом делать. Кстати, мы проиграли в тот день. Из-за Кольки, естественно!

– Спросила у Сергея Анатольевича, физрука, а он говорит, что Димка каждый вторник играет. Раньше, мол, и в понедельник после математики приходил, да ещё в среду и пятницу... Теперь у него в эти дни танцы. Я даже...

– Может, это совпадение? – перебивает тётя Оля.

– Да какое совпадение, Оль, о чём ты говоришь? – мама переходит на крик. – Он в футбол играет, ты понимаешь? В ФУТБОЛ!

– Тише ты!

Мама закрывает рот рукой и бросает взгляд в сторону двери. Прячусь вовремя. Обе замирают. Я перестаю даже дышать: нельзя, чтобы меня заметили. Иначе завтра я весь день буду думать, почему мама в шоке от того, что я гоняю мяч на поле.

– Ну и что? Ну и что, что Димка играет в футбол? Многие мальчишки играют, – тётя Оля начинает ходить по комнате.

– Ты не понимаешь, – мама снова плачет. – Это его кровь! А у него плохая кровь!

Вот тебе и приехали. При чём тут футбол и кровь, да ещё и чья-то? Совсем ничего не понимаю...

– Пусть так, пусть эта игра у него в крови. В этом ведь нет ничего страшного, Танюш. Меньше дури в голове будет, – тётя Оля снова подсаживается к маме.

– Я его и так на танцы записала. Успехи у него, правда, не очень, да мне это и не нужно, – мама говорит так тихо, что я почти просовываю голову в комнату. – Пусть окончит школу, поступит на юриста, на педиатра, на столяра – мне всё равно, но пусть не играет в футбол!

Ну уж нет! Что за новости? Я же хожу на эти ужасные танцы, слушаюсь, двоек с прошлой четверти не получал! Да, чуть не остался на второй год – но ведь не остался же! Почему это мне нельзя заниматься тем, что я люблю?

– Ну, может, он, пока в школе, играет. Потом вырастет и думать забудет про этот футбол, а?

Тётя Оля, ну вы и скажете! Да никогда! Я обязательно стану ведущим футболистом не только «Барселоны», но и нашей сборной, – и выведу нашу команду в финал Чемпионата Мира! Правда, пока я подрасту, придётся ещё парочку предварительных этапов позорно отыграть...

– Я не хочу, Оль, не хочу! Я не хочу, чтобы он даже думал про эту игру! Чтобы по телевизору смотрел, чтобы говорил о ней... Понимаешь?

Тётя Оля выдержала паузу и говорит:

– То, что его отец проходимец, ещё не значит, что все футболисты такие. К тому же ты сама всё решила тогда. Сама отказалась от того, чтобы он отцовство давал.

– А он и не настаивал! Ему в Германию нужно было беспрепятственно уехать, его «Вердер» пригласил!

– Я повторяю, Тань, он козёл. Но Димка тут ни при чём! Его отец не должен влиять на его жизнь.

– Его отец – футболист. Поэтому мой сын не будет играть в футбол! – мама решительно встала. – Я про чай забыла. Я сейчас.

– Танюш, – доносится до меня уже у двери моей комнаты, – что ты намерена делать?

– Запрещу... Нет, лучше запишу его ещё куда-нибудь и буду строго контролировать. На плавание, например.

Слёзы, ну вот зачем вы всё бежите и бежите? Как игроки на поле: одна капля на подушку справа, по лицу, другая на подушку с левого фланга, третья точно в девятку – в рот... И так бесконечно. До утра.

А я думал, что мама вообще не разбирается в футболе. Зато фолит она похлеще Гаттузо – я теперь не скоро оправлюсь от этой травмы...

Дриблинг

В который раз убеждаюсь: слово мама держать умеет! Теперь по понедельникам и четвергам у меня плавание. Плюс к танцам.

Мама даже дополнительными занятиями пожертвовала. Хотя зря... Я-то своё слово всё никак удержать не могу – тяжёлое оно больно. Двойка по математике на следующий год мне обеспечена!

Вообще-то я тут ни при чём – не по своей воле всю ночь проплакал и Пифагора с его штанами на плавание променял. Но не скажу же я маме, что подслушивал? Это ведь нехорошо, и меня обязательно пристыдят... А я не люблю, когда мама начинает мне в пример Кольку или, того хуже, Айку ставить. Айжан послушная, проблем родителям не доставляет, отличница... Ещё бы! Какие проблемы, когда ты занимаешься тем, чем хочешь! Хочешь – посплетничаешь с девочками, хочешь – нарушителей порядка сдашь с потрохами. К тому же у Айки папа есть. И в Германию он не уезжал... А Колька, хорошист и паинька, – ну его! Я с ним теперь не разговариваю. Да, Корея – слабая команда, и то, что Португалия выиграла у неё 7:0, ещё ничего не значит. Но это не повод говорить, что чемпионом станет Аргентина! Бразилия в крайнем случае!

Теперь я потерял своего личного комментатора... и друга тоже... Но я не жалею. Пусть бежит к своему папочке и с ним обсуждает матчи! А играть пусть даже не надеется: ребята давно уже поговаривают о том, что уберут его на скамейку запасных. А то как же, у старшаков всё как положено: и скамейка эта заполнена, и болельщики приходят, мы то бишь, и даже тренер, Сергей Анатольевич, есть. А у нас теперь будет скамейка запасных, пусть и с одним человеком. Хотя не у нас... У них... Я в футбол теперь играть не могу...

Противные танцы. Ксения Алексеевна встречает нас у

входа в зал. Как всегда. И почему-то улыбается.

– Здравствуйте, ребятки, проходите, – в её обычно строгом голосе слышится едва заметная радость.

Она редко улыбается. Обычно мне нравятся эти редкие моменты. И тогда я даже танцую, послушно, пусть и неумело. Но сегодня мне хочется сделать что-нибудь в ответ на эту её издевательскую улыбку. Что-нибудь неподобающее... Подпрыгнуть, когда все стоят на месте, замереть вдруг, когда все старательно прыгают по кругу на корточках. Они тогда прикольно в меня врезаются, девочки ругаются, а мальчики смеются в голос. А ещё лучше – наступить на ногу Лариске! Будто невзначай. «Не подобает себя так вести, Дмитрий!» – тихо скажет Ксения Алексеевна. Она никогда не кричит. Но от её спокойного голоса – мурашки по коже.

Я опять забыл, за кем стою. Лариска хватает меня за руку и толкает в строй. Эх, жаль девочек обижать нельзя, а то б я ей показал!

Вот почему мама раньше мне про папу не рассказывала? Он у меня футболист! И наверняка неплохой футболист, раз его в Германию позвали... Или был футболистом – у него, наверное, уже возраст не тот...

Почему он не позвонил, не приехал ни разу за эти десять лет? Или хотел, только мама ему не разрешала меня видеть? Да, мама у меня такая. Она любит не разрешать. Но ведь он хотел стать мне папой?

После поклона начинается разминка. Это моя любимая

часть занятий. Прыгнуть выше всех, пробежать быстрее всех – здесь я лучший, и Ксения Алексеевна не делает мне замечаний. Но не сегодня. Головой крутить сильнее – интересно, оторвётся? Руками запутаться в чужих руках...

– Дмитрий, встань подальше от Артура! И от Сабины тоже!

Ногами попинаться, делать всё наоборот, наперекор командам. Как хочется идти против команд всех взрослых, не только Ксении Алексеевны! Особенно против маминых...

– Дмитрий! Что за ребячество!

– А я что? Я ничего.

Все смеются. Кроме Лариски. Если б могла, она убила бы меня взглядом.

– Встань ровно! Руку дай сюда! – Лариска толкает меня в ногу, грубо поворачивает мою голову. Ещё чуть-чуть – и вывернула бы её. У меня потеет ладонь, у Лариски всё лицо от возмущения дёргается. Она то и дело вытирает руку о платье, трёт так, словно в моей ладони целое море помещается.

– Дети, на прошлом уроке мы с вами начали изучать падеграс, – Ксения Алексеевна ходит от пары к паре, проверяет, правильно ли мы поставили ноги, не высоко ли подняли руки. Нам она замечания, конечно же, не делает: всё Лариска исправила.

– Кто мне скажет, как и с какого языка переводится “pas de grace”?

На танцевальный зал свалился бы метеорит, если б Лари-

ска не выкрикнула первая:

– Грациозные, изящные шаги, Ксения Алексеевна! С французского!

– Правильно, Ларочка. Спасибо. Грациозность и изящество. Это главная цель падеграса. Выпрямите спинки, – ласковые слова Ксении Алексеевны заставили Лариску грубо меня ударить. По спине. Дёрнуть бы её за эти жидкие русые волосы!

– Итак, начнём, без музыки, – Ксения Алексеевна начинает отсчитывать. Как же я не люблю первые цифры в счёте!

Мой папа – футболист... А я не могу играть в футбол. Из-за него? Но разве он в чём-то виноват? Он уехал. Но он ведь не бросал меня? Он ведь не отказывался?

– Молодчинки! И раз, и два, и три, и раз, и два, и три. Василий, спину прямо! Аружан, тyani носочек! И раз, и два, и три – от взора Ксении Алексеевны не скрыться. Не скрыться, если твоя партнёрша не Лариска. А Лариске меня доверяют полностью, в нашу сторону смотрят редко. У неё попробуй не потяни носок!

– Умнички! А теперь деми плие, вес на левую ножку, молодцы. А теперь с правой... Еркен, направо! Налево пойдём на второй такт! Ещё раз: и-и-и раз, и два... Так, стоп! Давайте под музыку.

Люблю танцевать под музыку. Точнее, люблю, когда она звучит. Все начинают волноваться, кто-то забывает движения, и на меня никто не обращает внимания. Ксения Алек-

сеевна старается объяснить детали тем, кто её слушает. Я никогда не слушаю. А Лариска и так всё понимает, будто родилась в танце! Но и с Лариской можно справиться. Довести до слёз, например. Она побежит жаловаться, меня отчитают. И треть занятия я просто послушаю девчачьи крики, не выписывая непонятно кому нужные па.

Движение вперёд – набегание. Работаю внешней стороной стопы, потом внутренней, затем пяткой. Лариска нервничает:

– Ты что делаешь?

Я улыбаюсь:

– Дриблинг.

Шаг влево – короткое забегание. А что? Я ведь веду! Лариска дёргает меня на то место, где мы должны были быть по танцу. Шаг через первую позицию – это мягкий удар носком. Мяча нет, но он всегда передо мной. Стоит мне только захотеть. Вместо деми плие делаю подкат. Не задеть при этом ногу Лариски – это искусство. Она так и подставляет то одну, то другую. Но я не должен потерять мяч.

– Ксения Алексеевна, скажите Димке!

Вот крыса!

– Дмитрий, в чём дело? – Ксения Алексеевна останавливает музыку.

Я делаю невинный взгляд:

– Ничего, Ксения Алексеевна, я танцую! Как могу!

Мяч вот он, рядом с ногой. Главное – не потерять. Музы-

ка и танец начинаются заново. Я веду мяч. Лариска старается его отобрать, но я продолжаю вести. Забегание, неудача, набегание – веду. Потеря мяча, подкат.

– Дурак! – Лариска вот-вот заплачет. Она думает, танец несовместим с футболом. А я совмещаю. И всегда буду совмещать.

К концу урока Лариска всё-таки заревела. Последний подкат был неудачным. Точнее, последнее деми плие... Но я совсем не больно ударил её по ноге! Совсем чуть-чуть!

– Дмитрий, я вынуждена вызвать твою маму. Так дело не пойдёт. Джентльмену не...

Да, да, Ксения Алексеевна, – не подобает так себя вести. И мяч вести тоже не подобает. Даже воображаемый... Только вот вызывать маму – это запрещённый приём!

Misses Next Match

У нас в отличие от старшаков есть самый неприятный чел, предусмотренный в футболе. Судья. Не знаю, кто это. Знаю только, что арбитр, как всегда, оказался недалёковиден.

Против меня сфолили, он мне жёлтую карточку, я стал бороться в следующем матче – он мне ещё одну. Misses next match...

Но я, кажется, пропущу не только следующий матч...

Плавать-то я умею, но как собачка. А тут меня пытаются научить плавать брассом. Пусть учат – как отвернутся, я до бортика всё равно «собачкой» доплыву. Вода успокаивает. В воде размышлять хорошо.

Говорят, безвыходных ситуаций не бывает. Получается, я всё же смогу играть в футбол? Надо найти выход. Надо оправиться от фола, отсидеть всего один матч на скамейке запасных – и в бой! Снова на поле...

– Дима, плыви сюда, я посмотрю! – Тренер, Болат Серикович, скрестив руки на груди, наблюдает, как я бултыхаюсь в воде. Как я захлёбываюсь. – Разве я тебя так учил? Руки прямо перед головой, голову вниз!

Ещё говорят, надежда умирает последней. Последняя, первая – какая разница! Ведь она всё равно умирает. Моя надежда вновь выйти на поле бьётся в предсмертных судорогах, пока я осваиваю брасс.

Идти домой не хочется. Болат Серикович заметил, что я даже не стараюсь «плавать правильно». С чего он решил, что «по-собачьи» – это неправильно? Собакам же так не говорят, они плавают себе и плавают. Не нравится он мне! И плавать «правильно» мне тоже не нравится!

– Дмитрий! – Если мама называет меня полным именем, значит, будет ругать. – Мне звонила Ксения Алексеевна. Пригласила к вам на следующий урок. Не расскажешь почему?

– Не-а, мам, не знаю, – я заталкиваю в рот как можно больше еды, чтобы мама поверила, что я не могу ответить на её вопрос.

– Хорошо. Выясним на занятии... Ты ничего не натворил? Отрицательно мотаю головой. Такая наивная. Она думает, я сам признаюсь, что на уроке танцев довёл Лариску до слёз, потому что ударил её по ноге, забирая мяч в подкате... Нет уж. Если назначена казнь, то лучше оттягивать её как можно дольше. Следующее занятие вполне подойдёт.

Мама в этот вечер разговорчивая. Всё спрашивает и спрашивает: что делал, кто что сказал, понравилось на плавании или нет. Я ковырял в тарелке, ковырял...

– Мам, а если я не хочу ходить на плавание? – решаюсь спросить.

Мама молчит. Наливает чай.

– Мам, я – не – хочу – ходить – на – плавание! – чеканю каждое слово.

– Почему? – Мама даже не смотрит на меня! Сахар в чае ей намного интереснее собственного сына! И с каких это пор она пьёт чай с сахаром? А как же фигура?

– Не хочу, и всё!

– Потрудись объяснить причину.

– Мам, мы с ребятами... Ну... – Как бы ей это сказать, чтоб она разрешила?!

– Что «ну»? – мама пристально смотрит на меня. Так. Нужно собраться с духом... Я ведь не должен был слышать

вчерашнего разговора, значит, вполне можно сказать про футбол.

– Мы с ребятами в футбол играем...

Мама делает глоток, встаёт, идёт к раковине, выливает чай и начинает мыть посуду.

– Ну, знаешь, во время чемпионата мира это модно. Ну в футбол играть... – голос становится предательски тихим. Я замолкаю. Покопаюсь лучше в тарелке. Кто там сегодня играет? Франция и Южная Африка? Ну-ну, французы, думаю, продуют и этот матч тоже. Во всяком случае, я не удивлюсь. Вот эта маленькая фасолька – французы, а вот эта большая – ЮАР...

– Какой чемпионат? – вдруг спрашивает мама.

– А?

– Какой чемпионат? Ты что, футбол смотришь? – мама начинает кричать. Она редко кричит, но когда кричит... Пиши пропало. – Ах ты, паршивец, футбол, значит, смотришь? Мало того, что играешь, ещё и... – надо мной нависла повара-рёшка. Я сжимаюсь и зажмуриваюсь. Сердце лезет в горло.

– Если ты не голоден, марш в свою комнату! – Мама хватает тарелку, выбрасывает еду в помойное ведро... Что там дальше, я не буду досматривать. В комнату – значит, в комнату. Такой я маму ещё не видел.

Я даже дверь закрыть не успел, слышу шаги... Мама грубо распахивает дверь и входит за мной. Она никогда меня не лупила, неужели это «никогда» сегодня закончится?

– Слушай меня внимательно, Дмитрий, – родной голос звучит по-новому, как посторонний, чужой. – Ты будешь заниматься плаванием и танцами. Будешь посещать дополнительные занятия. С июля, когда закончатся дополнительные занятия, ты пойдёшь в секцию каратэ. Я об этом на днях договарюсь. Запомни: ни о каком футболе не может быть и речи! Забудь это слово, ясно?

Я молчу. Глаза, предатели, говорят за меня. Не могу пошевелиться. Даже чтобы смахнуть слёзы...

– Я спрашиваю – ясно? Нечего плакать, давить на жалость. Будет так, как я сказала. И о чемпионате тоже забудь, чтобы даже в газетах не читал! Ты меня понял? А?

Молчу... Слёзы ручьём...

– Я не слышу ответа!

Надо рискнуть, надо... Надо сказать... Решаюсь:

– Почему?

Мама повышает тон, видимо, чтоб понятней было:

– Потому что я так сказала, я так хочу!

Она разворачивается и направляется на кухню. Вот он, момент!

– А я так не хочу! Я не буду ходить на танцы и на плавание! Я буду играть в футбол!

– Что ты сказал? – Занятый своим криком, я и не заметил, как мама вернулась. – Повтори!

– Я...

– Что ты сейчас сказал? – Мама в бешенстве. Но я тоже!

– Я буду играть в футбол! Я буду футболистом, как папа!

Всё когда-то бывает в первый раз... Я ошибся, когда сказал, что не знаю, кто мне «горчичников» надавал. Арбитр – это мама. Арбитры всегда решают так, как хочется им, как им кажется правильным... Теперь я не буду играть в футбол... Меня дисквалифицировали на неопределённый срок. Ещё и дополнительную травму нанесли. Правда, не такую серьёзную, как первая, – подумаешь, денёк сидеть не смогу. А вот там, где-то внутри, всё скребёт и скребёт. Рецидив, это точно... А рецидивы лечить сложнее. В голове как будто дятел завёлся. Он стучит маминым голосом: «Твой отец – негодяй! Он тебя не хотел, понимаешь? Это я настояла! А зачем? Чтобы ты стал таким же, как он? Так ты мне за всё платишь, да?» И ещё что-то там про то, как маме тяжело все эти годы растить меня одной, про работу, одну, другую, про пелёнки, стирку, уборку, посуду, еду...

Не буду играть в футбол... Мой папа меня никогда не любил. Не хочу быть как он... Мама забрала шнур от компьютера. По телефону договорилась с тренером по каратэ. Говорила громко, чтоб я слышал.

Интересно, как там сыграла Франция? Вдруг они всё-таки одержали верх? Сегодня ещё и Колькина Аргентина играет. Вот радуется небось, лопаухий... А мне теперь всё равно, вот увидите! С футболом покончено!

Зидан и Матерацци²

– Ты что опухший такой? Ревел, что французы продули? – Гоголь, как всегда, выполняет приказы Бахи. Прямо припля-

² В финале Чемпионата Мира 2006 года играли французы и итальянцы. Во время перепалки Зинедин Зидан ударил Марко Матерацци головой в грудь и был удалён с поля. Французы проиграли по пенальти. В пресс-конференции после игры Зидан говорил, что Матерацци дурно отзывал-

сывает, будто тот в дудку дудит.

У Гоголя вовсе не фамилия такая. Эту кличку ему дали в классе. А фамилия его – Гоголадзе. Только вот не понимает он добра. И пресмыкается перед теми, кто его бараном называет. Из-за курчавых волос.

– Э, Баран, что там? Димон плачет? – Баха со своими прихвостнями подходит к парте. Рядом с ним Колька. Предатель!

– Конечно, как ему не плакать! Французы продули, а он этого, сто пудов, даже посмотреть не смог. – Сейчас Кольке врезать что ли? – Он же маменькин сынок. Мама сказала «спать», и он спать бежит! Боится её. Раньше у меня спрашивал про все матчи.

Я люблю смеяться. Но не люблю, когда смеются надо мной. И гогот тех, с кем я ещё вчера общался, обезумевшим колоколом отдаётся в ушах.

– Надо же! А я с папкой смотрю футбол. Ни одного матча не пропускаю, – Баха улыбается. Широко. Еще шире. Сейчас выпадет череп. Колька подхватывает:

– Я тоже! У меня папка вообще великий комментатор! Он всё про футбол знает!

Нашёл чем гордиться.

– А мой папа – футболист!

Я даже не заметил, как это прокричал. Весь класс: и столпившиеся рядом со мной пацаны, и болтавшие у парты Айки девчонки – замирает. А потом все дружно смеются. Почти

все. Кроме Айки.

– Твой папа – футболист? – Баха держится за живот. – Это где? В мечтах, что ли?

Колька ржёт как лошадь.

– Ты же безотцовщина, – Баха делает жалобное лицо и изображает плач. Снова смех. В ушах гудит, в голове всё тот же бешеный звонарь.

– Мой папа – футболист! Я не безотцовщина! У меня есть папа! У меня тоже есть папа! И он футболист! – кричу, размахиваю руками, бросаюсь на Баху. Меня оттаскивают. Баха начинает меня бить. Я замечаю Кольку и пытаюсь пнуть его ногой. Не достаю. Баха зол. Но я не боюсь. Пусть он выше меня на голову, я не боюсь. Я не безотцовщина!

– А ну-ка разошлись! – мои собственные крики показались мне мышинным писком против крика Раушан Бисеновны, – Это что ещё такое? Быстро по местам!

Все разбегаются по своим партам. Я отряхиваюсь.

– В чём дело? – если Раушан Бисеновна начинает кричать, то с каждой фразой кричит всё громче и громче. Баха сжался. Стал такой маленький, как побитый щенок.

– Раушан Бисеновна, мы разговаривали про футбол, – Канат – громоотвод, он всегда прикрывает Баху.

– И?

– Ну а Димка бросился на Баху.

– А Бахыт язык проглотил от счастья?³ – Раушан Бисенов-

³ Игра слов: бахыт – счастье (каз.)

на вышагивает по третьему ряду. Там, где сидят они: Баха, Кана, Гоголь, Гусь, а теперь ещё и Колька.

– Хусейн! – Гусь задрожал. – Причина драки?

– Ну мы про футбол говорили...

– Я никому не разрешала садиться! – от крика Раушан Бисеновны я соскакиваю со стула. Гоголь и Колька – тоже. – Дальше!

– Ну а потом он, – Гусь кивает в мою сторону, – говорит, что его отец – футболист.

По третьему ряду прокатился смешок. Гусь замолкает. Улыбается. Раушан Бисеновна подходит ко мне.

– Раушан Бисеновна, врать ведь нехорошо. Мы ему сказали, – ухмыляется Баха. – А он драться полез!

– Я не вру! – кричу я, но тут же сжимаюсь. Раушан Бисеновна хлопает ладонью по моей парте.

– Драку начал ты?

– Я не вру...

– Я спрашиваю, драку начал ты? – Раушан Бисеновна кричит мне в ухо, будто я глухой. – Ты или нет?

– Я, – шепчу и снова говорю громко: – Я не вру! Мой папа – футболист!

– Фантазии до добра не доводят, – Раушан Бисеновна идёт к доске. – Кто твой папа, мы спросим у твоей мамы. Сегодня. После урока.

И снова смех на третьем ряду.

– Всем сесть. Открыть тетради. К доске пойдёт Арефьев.

Слёзы вот-вот вырвутся наружу.

– Дмитрий, – Раушан Бисеновна отрывает взгляд от журнала.

– Ой, он плачет, – Кана смеётся. Опять.

– Заткнись, – шипит Айка.

Я срываюсь в бег. Ударяюсь об угол парты, об дверь, но бегу. Прочь! От физики, от этого смеха... На стадион, где играют старшеклассники. Сажусь на скамейку, подальше от поля. Пока реву, близко лучше не подходить.

Здорово быть взрослым! Можно играть в футбол, и никто тебе не запретит. Говорить что угодно, и никто не скажет, что ты врёшь.

– Димка-а-а, – Айка запыхалась, пока добежала до стадиона. Вот только её мне не хватало!

– Дим, не обращай на них внимания. Ты же знаешь, какие они!

Я молчу. Не пристало разговаривать с девчонкой, которая за тобой уже год бежит. Она ведь и на дополнительные ходит ради того, чтоб на меня посмотреть и с подружками пошептаться. А иначе зачем отличнице дополнительные по математике? У неё ведь и так пять!

– Вот я верю, что твой папа – футболист!

Неужели она и в самом деле думает, что я ничего не знаю? Колька почти всему классу рассказал, что мне на 14-е февраля валентинку без подписи отправил. Даже не смотрю в её сторону. Там на поле – моя жизнь, та, которой мне жить не

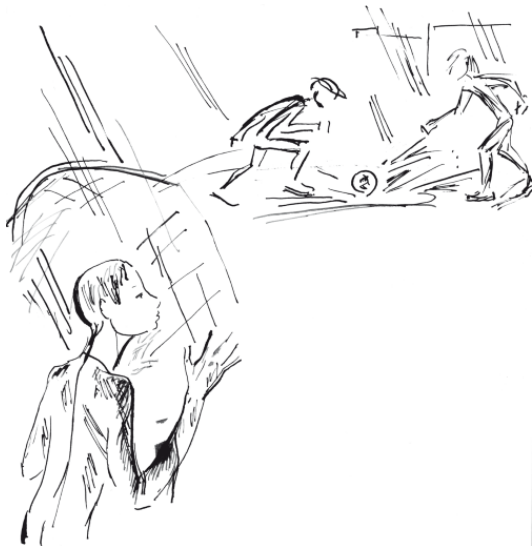
дают.

– Раушан Бисеновна сказала, чтоб ты вернулся. После занятий она вызовет тётю Таню.

Молчу. А что говорить? Есть ли смысл кричать о несправедливости? Меня, как Зидана, выгнали с поля, даже не дав объясниться. Не поверив ни единому моему слову. А Баха, как Матерацци, вышел сухим из воды. Продолжает матч. Он и после математики будет играть. А я ждать. Маму и её приговора. Очередного. Беспощадного. Хотя куда уже хуже?

АВТОГОЛ

Дождь зарядил с утра. Раньше я любил дождь. Я поскальзывался, падал, но всё равно играл, играл до последнего. Даже голы умудрялся забивать. Все начинали плакаться, что в такую погоду невозможно играть в нормальный футбол. Откуда ж им знать, что футбол нормальный в любую погоду! А в дождь тем более! Просто препятствий становится больше, они как бы заостряются, становятся какими-то обозлёнными. И мяч выскальзывает, не слушается, и поле превраща-

ется в грязевое месиво, и глаза постоянно заливают, но преодолевать такие препятствия на пути к победе – кайф!

Для меня. Так было... Раньше... Все по очереди убегали, а я оставался на поле. Пока Сергей Анатольевич не забирал мяч и не гнал меня домой. Ещё кричал, что заболел.

Я никогда не чувствовал себя так... На душе не кошки скребут – нет! Там голодные львы. Они дерут беспощадно, жадно. Такое ощущение, будто вот-вот всё внутри разорвётся, – бац! – и больше не будет меня.

Почему взрослые так любят кричать? Мама вчера кричала и кричала, плакала и плакала. Она не отлупила меня, как в прошлый раз. Она всего лишь дала мне пощёчину, когда мы шли домой.

– Ты хоть понимаешь, что творишь? Какого чёрта ты удумал драться? Ты зачем говоришь об отце, заставляешь людей смеяться над нами? Тебя кто растил? Кто кормил? Я! Я одна! Ты ещё кого-нибудь видел? Ты мужчину в доме видел? – мама почти кричала, больно дёргая меня за руку. – У тебя нет отца! Запомни это! Нет!

Слова вырвались случайно, я не хотел:

– Но ведь он есть.

Я не заметил, как она замахнулась... Люди оборачивались на меня и на маму, которая твёрдым шагом пошла дальше. Я не стал её догонять. Ужинать тоже не стал. А она не стала меня уговаривать...

По-моему, щека горит до сих пор. Лучше бы отлупила

– это не так больно. А по щеке – больно. Не знаю почему. И неуютно в толпе, кажется, что люди смотрят, всё знают, осуждают. А я злюсь. На всех злюсь.

Я вышел из дома сразу, как только мама ушла на работу. Она оставила завтрак. Я к нему не притронулся. Нет, я не вредный. Я просто не хочу. Ничего не хочу.

– Мальчик, ты чего без зонта? Ещё так легко одет. Куда ж смотрят твои родители? – старенькая бабушка преграждает мне дорогу. В куртке, капюшон застёгнут. Во даёт! Летом-то! Пытаюсь пройти мимо, но она берёт меня за руку. Кисть костлявая, а обхват такой мягкий, слабый.

– Беги домой за зонтом! – не унимается бабуля.

– Отстаньте! Вам-то какое дело? – вырываю руку.

– Ты смотри, в маечке, уже весь промок! Рюкзаком хотя бы голову прикрой!

– Отстаньте, говорю! – обхожу её и иду дальше. Слышу, как она с кем-то разговаривает:

– Вот молодёжь пошла!

– Грубит?

– Да это ладно, вот заболит ведь. И куда родители смотрят?

– Потому и грубит, что родители непонятно куда смотрят!

Поворачиваю за угол. Бегу. Подальше от всех. Подальше от людей. Подальше от взрослых!

Ноги сами приводят меня на стадион. Старшаки не то что наши – они не боятся дождя. Они играют.

Стадион сразу за школьными воротами. Внутрь, за ворота, я входить не стал. Мало ли кого можно встретить. Баха часто тут слоняется, с ним обычно Кана. Я не боюсь их, нет. Просто они снова будут смеяться. А доказать им, что я прав, можно только кулаками. Подраться-то я могу, но учителей никто не отменял. Увидят и вызовут маму...

Подхожу ближе к воротам. Сквозь железную сетку видно всё: вот Олжас мяч из аута выкидывает, по полю бегают Сергей Анатольевич, такой смешной, в мокрых трусах, со свистком и колодой самодельных карточек – красных и жёлтых. Я лично помогал ему эти карточки из цветного картона вырезать! Побольше, а то он вечно их теряет.

Олжас из 10 «А», он один из лучших игроков школьной команды. В нападении ему равных нет – столько раз нашу школу за уши вытягивал на соревнованиях! Есть ещё Саня из 9 «Г», он недавно в основной состав вошёл. До этого год на скамейке отсиживался. Если Олжас в нападении хорош, то Санька – стержень, всё на поле видит, от своих ворот всегда ровно игру начинает, в центре поддерживает и точно форварду пасует. Ерсаян, он с Олжасом учится, играет отлично, ему особенно дальние пасы удаются. Только вот у него проблемы с языком. По-русски понимает, но не сразу, тормозит сильно. Я слышал, он приехал из Каракалпакстана. У нас в школе много таких. А вот с футболом у Ерсаяна проблем нет – ситуация на поле ему всегда и без слов ясна. Футбол никаких языков не знает. Или знает все языки – неважно. Важнее,

что мяч понимает тебя, на каком бы ты языке ни говорил.

Мяч ударяется о сетку школьных ворот. Не будь её, он влетел бы в меня.

– Я сказал, мне, балда, а не в аут! – кричит Саня. За мячом подбегает Вовка-кореец из 10 «В» и подмигивает мне и без того узким глазом.

– Салют, малец! – говорит.

Молчу. Раньше ответил бы, что я не малец, но сейчас молчу. Утыкаюсь глазами в мяч, он такой мокрый, весь в грязи и в траве...

– Здраваться не учили? – Вовка ухмыляется. – Эй, ма-а-але-е-ец?

Где-то там, на поле, взрывается Олжас:

– Ты застрял, что ли? Давай выкидывай, а потом можешь болтать дальше, пока я вам гол забивать буду!

Вовка направляется к возмущённым друзьям. В дождь всё обострено: и игра, и настроение, и терпение.

Глазами слежу за мячом. Вот он взмыл над головой Вовки, вот полетел в сторону, вот потерялся среди грязных кроссовок и бутс. Пальцами обхватываю сетку и утыкаюсь в неё лбом. Хоть я и промок насквозь – мне не холодно. Но я начинаю дрожать. И дрожь эта изнутри идёт, оттуда, где завелись львы.

– Куда бьёшь, косой? – кричит Олжас кому-то из новеньких. Новеньким только на тренировках поиграть удаётся, а так они на скамейке сидят. Ждут, пока дорастут до девятого

класса. – Пасовать надо!

– Да не ори ты на него, – подключается Санька. Кому же, как не ему, защищать запасных игроков!

Сергей Анатольевич сердито свистит, и игра продолжается.

– Ты чего тут стоишь, Димон? – Я даже не заметил, как подошёл Вовка. У нас с ним особые отношения. Он меня недолюбливает и постоянно дразнится. То мальцом обзывает, то шпендиком, то щеглом, то ещё как-нибудь. Это оттого, что я лучше него играю! Играл... Раньше я постоянно смеялся над его неумелыми передачами, громко смеялся. Зрителям можно прогуливаться вокруг площадки, и я преследовал его по пятам, указывая на его ошибки. Всех это забавляло, а он злился. Говорил, что я шмакодявка и что мне просто завидно, что он играет в школьной команде. А я отвечал, что он своими узкими глазами не только мяча не видит, но и всего поля.

– Димон, у тебя всё в порядке? – Вовка садится на корточки. – У тебя дополнительные сегодня?

– Нет, – смотрю игру. А пальцы всё крепче сжимают железные прутья.

– Ты что, даже не обзовёшь меня ни разу? Мале-е-е-ец? Шпенделё-о-ок, – Вовка снова подмигивает. Но обзывать его мне сегодня не хочется. Отчего-то он меня не раздражает. Признаю: я завидую. Им всем завидую.

Вовка подходит ещё ближе, опирается о ворота.

– Вован, ты играешь? – кричит Саня.

– Ага, я сейчас! – отзывается Вовка. В дождь всегда плохо слышно. Голос тоже на надрыве. – Ты промок весь, не заболеешь?

Мяч снова ввели в игру. Он катится по грязи, из белого превращается в тёмносерый. Его пинают, он взмывает ввысь, над головами, над школой, летит за ворота, подпрыгивает несколько раз на тротуаре и скатывается в небольшой овраг у мостовой. Овраг переполнен водой, мяч выплывает и застревает в траве.

– Сок далага кетти⁴! Аут. На улицу, – разводит руками Ерсаян.

– Ага, ага, на улицу! Вот кто пнул, тот пусть и идёт! – кричит Олжас. Кажется, снова новенький постарался.

Мяч отмылся в овраге, стал почти белым, он поблёскивает и зовёт.

– Я не пойду, и я не косой! – слышится писклявый голос.

А мяч зовёт. Он улыбается прошитыми квадратами, в которые забила грязь. Одной рукой я всё ещё держусь за сетку.

– Димон, давай бери мяч и айда к нам играть, – предлагает Вовка и снова подмигивает. – У нас сегодня трое не пришли, думаю, никто не будет против. Тем более когда ещё у меня появится шанс поучиться у такого мастера, как ты?

Я смотрю на него. Вот ещё одно свойство дождя – у неко-

⁴ Игра слов: дословно – «удар ушёл на улицу» (каз.)

торых крышу сносит напрочь!

– Чего уставился? Я ж серьёзно! – Вовка улыбается.

– Эй, там Димка, что ли? – Санька приближается. – Бери мяч и давай к нам! У нас как раз в одной команде хавбека не хватает.

– Эй, ты куда? – шум дождя перекрывает крик Вовки.

Бегу. Снова. Прочь. Вокруг только дождь...

Я не могу играть. Мне нельзя. Я не должен... Папа не хотел меня. Он уехал, во всём согласившись с мамой. Он оставил меня ей. Он бросил меня! А сам играет в футбол где-то там, далеко. У него, может быть, есть сын. Другой сын, от которого он не отказывался, с которым он отрабатывает удары, обсуждает матчи... Его он учит играть, его он любит. Не меня...

Я должен забыть о футболе! Как папа забыл обо мне...

Останавливаюсь на светофоре. Машины будто специально едут по лужам у обочины. Пока загорится зелёный, вся лужа будет на мне. Ну и пусть. Поворачиваю налево, дождь начинает бить в лицо. Это хорошо, что идёт дождь. Никто не видит моих слёз. А я, как девчонка, продолжаю реветь. Не могу больше терпеть львов и их когтей. А львы всё скребут и скребут...

Бежать далеко, но я не останавливаюсь. Бегу за автобусами, на которых раньше ездил, обгоняю, отстаю. Позади остаётся цирк, и я ударяюсь в двери Центрального плавательного бассейна. На плавание я пришёл рано. Но это нестрашно,

можно отсидеться в раздевалке. После дождевой барабанной дробы тишина в здании кажется гробовой. Слышно даже, как с меня падают капли. Замираю у входа. Ноги не хотят идти дальше. Они вообще стали какими-то ватными. Рюкзак соскальзывает, не пытаюсь его удержать, и он с шумом падает. Рукой нащупываю стену, опираюсь спиной, медленно сползаю вниз. Сердце тарабанит так громко, что мне кажется, будто его стук эхом отдаётся в коридоре. Я дрожу, мне отчего-то холодно. И плохо. Кто-то входит, коридор тускло освещается, и я на мгновение слышу, как дождь усилился, как он разъярился. Щелчок зонта.

– Ой, Димка, привет! – Поднимаю глаза и вижу Айку. – Это твой рюкзак? Чего он на дороге лежит? Я чуть не споткнулась!

Что она здесь делает? Ах да, я, кажется, слышал, она занимается плаванием.

Профессионально. Ей никто не запрещает. Её никто не бросал.

– Ты что, язык проглотил? – Айка подсаживается ко мне. – А я знаю, что ты плавать учишься. Ну и как? Получается?

До этого у нас ни разу не совпадали занятия. Зато сегодня она вдоволь посмеётся над моей «собачкой».

– У тебя кто тренер?

Выдавливаю из себя:

– Болат Серикович.

– Да? А у меня Светлана Павловна. Только она в отпуск

ушла на неделю. Так что эту неделю мы с тобой будем заниматься вместе! – Айка такая счастливая, аж глаза горят. – Пойдём, надо ещё переодеться, – она встаёт и тянет меня за руку. – Ты весь промок, опять в футбол играл, что ли?

Вырываюсь. Бегу. Хочется реветь в голос, перекрикивая дождь. Но не могу. Не здесь, не перед Айкой. Я не девчонка, а мальчишки не плачут!

Рюкзак мне принесли. Сказали, что какая-то девочка передала. Ух эта Айка! Пропустить плавание я не могу. Хотя очень хочется забиться куда-нибудь, хоть в душевую кабинку, спрятаться от всех. Но Болат Серикович обязательно сообщит маме.

А я не хочу, чтобы она кричала. В следующий раз у меня мозг не выдержит, взорвётся. Только я не знаю от чего именно: от её криков или от её слёз.

– Ты чего убежал? – Айка противная, не унимается. – Не хочешь общаться, ну и не надо!

Отворачивается и прыгает в воду. Плывёт. Как рыба. Нет, как русалка. Красиво. Я так не смогу. Но ведь мальчишки и не должны плавать, как русалки?

– Дмитрий, в воду! Кому сказано! – Болат Серикович всё командует. Сергей Анатольевич тоже командует, но его команды чаще всего мне по душе. Особенно на поле. Были...

– В воду! Кролем!

Прыгаю. Вынырываю и стараюсь плыть ровно, одна рука,

другая, одна, другая. Получается. Пинаю бортик – и снова. Захлёбываюсь, иду ко дну, выныриваю и дальше «собачкой». Болат Серикович уже отвлёкся на других. Нас сегодня много. Несколько профессионалов, как Айка. Они что-то спрашивают про время и про какие-то правила. Болат Серикович объясняет. Ещё несколько человек, которые недавно начали плавать. Как я. Только я ничего не спрашиваю, а другие прямо не замолкают: просят поддержать, показать. Про меня забыли. Доплываю до бортика. В ушах вода, глаза щиплет. У меня пока нет очков и шапочки. Мама сказала, купит в конце месяца. Хотя до этого она хотела купить мне с зарплаты кроссовки. Новые. Я о них долго просил. Мама тогда ещё не знала про футбол и возмущалась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.